

(Окончание. Начало на стр. 8 - 9)

**Изложение заседания
Секретариата
Союза писателей ССР
22 сентября 1967**

Присутствовало около 30 секретарей СП и т. Мелентьев из Отдела культуры ЦК. Председательствовал К.Федин. Заседание по разбору писем писателя Солженицына началось в 13 часов, окончилось после 18 часов. <...>

Корнейчук. – У меня вопрос к Солженицыну. Как он относится к той разногласиям буржуазной пропаганде, которая была поднята вокруг его письма? Почему он от неё не отмежевается? Почему склоняется терпим? Почему его письмо западного радио начало передавать ещё до съезда?

Федин предлагает Солженицыну ответить.

Солженицын указывает, что он – не школьник вскакивающий на каждый вопрос, у него будет выступление, как и у других.

Федин говорит, что можно сбрасывать несколько вопросов и ответить на все вместе.

Баруздин. – Хотя Солженицын возражает против обсуждения пьесы «Пир победителей», но им волей-неволей приходится говорить об этой пьесе. Вопрос: какова была необходимость Солженицыну вообще называть эту пьесу в письме съезда, упомянуть её?

Салынин. – Я прошу, чтобы Солженицын рассказал, кто, когда и при каких обстоятельствах изъял эти материалы? Просил ли автор о возвращении их? Кого просил?

Федин предлагает Солженицыну ответить на собравшиеся вопросы.

Солженицын повторяет, что ответит на вопросы при выступлении.

Федин, поддержанный другими. Но Секретариат не может приступить к обсуждению, не имеет ответа на эти вопросы.

Ропот голосов. – Солженицын может вообще отказатьсь разговаривать с Секретариатом, пусть об этом заявят.

Солженицын. – Хорошо, я отвечу на эти вопросы. Это неверно, что письмо стали передавать по западному радио до съезда: его стали передавать уже после закрытия съезда, и то не сразу. (Далее буквально): «Здесь употребляют слово "заграница", и с большим значением, с большой выразительностью, как какую-то важную инстанцию, чьим мнением очень дорожат. Может быть, это и понятно тем, что много творческого времени проводят в заграничных поездках и надвигают на нашу литературу лётными заметками о загранице. Но мне это странно. Я никакой заграницы не видел, не знаю, и жизненного времени у меня нет – узнавать съёй. Я не понимаю, как можно так чувствительно считаться с заграницей, а не со своей страной, с её живым общественным мнением. Под моими подошвами всю мою жизнь – земли отчества, только ей я слышу, только о ней пишу».

Почему пьеса «Пир победителей» была упомянута в письме съезду? – это ясно из самого письма: чтобы протестовать против незаконного «издания» и распространения этих пьес волею автора и без его ведома. Теперь относительно изъятия моего романа и архива. Да, я несколько раз, начиная с 1965 года, писал в ЦК по этому поводу, протестовал. (Далее буквально): «Но за последнее время изобретена новая версия об изъятии моего архива. Будто бы тот человек, Тешу, у которого хранились мои рукописи, был связан с другим ещё человеком, которого называют, а того задержали на таможне, неизвестно какой, и что-то нашли (не называют что), не мое наши, но решили меня оберечь от такого знакомства. Всё это – ложь. У знакомого моего Тешу два года назад было следствие, но такого обвинения ему даже не выставлялось. Хранение моё было обнаружено обыкновенной уличной слежкой, подслушиванием телефонных разговоров и подслушиванием в комнате. Но вот примечательно: съёва появилась новая версия – она единичным толчком обнаруживается в разных местах страны: лектор Потёмкин только что изложил её многоголосому собранию в Риге, один из секретарей СП – московским писателям. Причём от себя он добавил и своё измышление: что все

“Свою писательскую

это я будто признал на прошлой встрече в Секретариате. А об этом у нас и разговора не было. Не сомневаюсь, что скоро начну со всех концов страны получать письма о распространении этой версии».

Вопрос. – Отвергнута ли редакции «Нового мира» повесть «Раковый корпус» или принят?

Абдулуминов. – Какое разрешение требуется «Новому миру» на печатание повести и от кого?

Твардовский. – Вообще решение печатать или не печатать ту или иную вещь – в компетенции редакции. Но в данной ситуации, сложившейся вокруг имени автора, решать должна Секретариат Союза.

Воронков. – Солженицын разрешился не непосредственно в Секретариате Союза писателей ССР. После письма Солженицына съезду у товарищей из Секретариата было желание встретиться, ответить на вопросы – поговорить и помочь. Но после того как письмо появилось в газетной буржуазной прессе, а Солженицын никак не реагирует.

Твардовский. – Ну, точно как Союз писателей!

Воронков. – ...это желание отпало. А тут появилось второе письмо. Оно ультимативно, оскорбительно, недостойно нашей писательской общественности.

Сейчас Солженицын упомянут об одном «секретаре», дававшем информацию партийному собранию московских писателей. Секретарь – это я. Вам поспешили передать, но плохо передали. Об изъятии вашей вещи я только то сказал на последнем собрании, что вы призываете, что отобранные вещи – ваши, и что обмыка в ваша дом не было. После вашего письма съезду мы, естественно, сами запросили – помочь членам прессы, которые попросили нас ознакомиться с газетами тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Неужели прожитое время не научило нас осторожно относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, что они попросту не читали или не слыхали? Я с гордостью вспоминаю, что не пришел на собрание деятелей культуры в ЦДРИ, где поносили Пастернака и намечались мои выступления, где мне «попурили» критиков роман «Доктор Живаго», в то время многое еще не читанные.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера «Катерина Измайлова», что Прокофьев при жизни так и не увидел последнего варианта своей оперы «Война и мир» и симфонии-концерта для виолончели с оркестром, что существовали официальные списки запрещенных произведений Шостаковича, Прокофьева, Маяковского, Хачатуряна.

Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три